

Обычно Мэн Цяо мог продержаться против господина пятнадцать ходов, но сегодня его хватило лишь на три. Клинки скрестились, и сокрушительная мощь «Удара, разрывающего душу» обрушилась на него с неожиданной силой. Острая боль пронзила обе руки, и Мэн Цяо отлетел назад на несколько шагов.

Он с трудом воткнул меч в землю, чтобы остановить падение. Тяжело дыша, он взглянул на Цзи Шэна, опустился на одно колено и, стиснув кулаки, проговорил: «Господин, похоже, рана на вашем плече почти зажила».

Яд, которым было отравлено скрытое оружие, пронзившее плечо Цзи Шэна, был чрезвычайно силён. Любой другой с меньшим мастерством не протянул бы и трёх дней. Однако, хотя Цзи Шэн и потратил немало времени на избавление от яда, его искусство, казалось, стало даже острее, чем две недели назад. Это лишь подтверждало его непревзойдённое владение боевыми искусствами.

«Хм», – только и произнёс Цзи Шэн, вкладывая меч в ножны и погружаясь в медитацию.

Мэн Цяо восстановил дыхание и спросил: «Когда Ваше Величество планирует отбыть в Сучжоу?» Ведь они прибыли в Сяньчжоу именно из-за раны господина. Теперь, когда рана зажила, причин оставаться здесь больше не было. К тому же, они уже достаточно задержались.

Цзи Шэн замолчал, на мгновение приоткрыл глаза, а затем снова сомкнул их, не проронив ни слова.

Мэн Цяо обнажил меч, опустился на колени на берегу и торжественно произнёс: «В тот день люди из Лувайлоу преследовали нас до самой северной границы. И хотя наш господин обезглавил их, северная граница – не безлюдное место. Весть об этом рано или поздно достигнет Центральных равнин. Если они превзойдут нас числом и окружат, мы...»

Цзи Шэн внезапно прервал его: «Ты хочешь поехать в Сучжоу?»

Мэн Цяо застыл в недоумении. Что он имеет в виду, спрашивая, хочет ли он в Сучжоу? Ведь изначально их пункт назначения был именно Сучжоу, пока необходимость залечить рану не привела их в Сяньчжоу. Теперь же, когда рана зажила, путь из Сяньчжоу на юг, в Сучжоу, казался естественным.

Неужели у господина были другие планы? Мэн Цяо не понимал, что имел в виду Цзи Шэн.

Но вскоре смысл слов господина дошёл до него.

Цзи Шэн произнёс утвердительным тоном: «Кажется, в Сучжоу у тебя есть возлюбленный».

«...»

Обычно невозмутимое лицо Мэн Цяо покрылось лёгким румянцем, и он пробормотал: «...Вы говорите о Лу Ци? Он не мой возлюбленный. Просто я видел, что он сирота, и его дядя продал его в такое место в столь юном возрасте. Он не знал человеческой жизни, и я не мог этого вынести, поэтому выкупил его у Цзуй Ту Шань. У меня не было никаких других намерений...»

Цзуй Ту Шань – знаменитый павильон Наньфэн в Сучжоу.

Цзи Шэн снова закрыл глаза.

То ли внезапное упоминание Лу Ци, то ли другая причина вызвали в Мэн Цяо необъяснимое волнение, и его сердце забилося чаще.

Цзи Шэн долго молчал. Наконец, Мэн Цяо не выдержал, облизнул губы и спросил: «Господин, почему вы вдруг вспомнили о Лу Ци? Неужели...?» Раньше господин никогда не обращал внимания на Лу Ци.

Цзи Шэн задал вопрос: «Лу Ци позволял тебе трогать свои ноги?»

Мэн Цяо: «.....»

Мэнцяо чуть не задохнулся от изумления. Его смуглое лицо вспыхнуло, и голос повысился на несколько децибел: «Конечно, нет!» Осознав, что сморозил глупость, он поспешно добавил: «Он... он... он не мой возлюбленный. Как я мог трогать его ноги?»

...Впрочем, это не совсем так.

Стиснув зубы, он пробормотал: «Все должно быть по обоюдному согласию».

«О», – Цзи Шэн кивнул с невозмутимым видом. «Значит, он не хочет?»

Мэн Цяо: «...»

Хватит.

Сделав глубокий вдох, Мэн Цяо, с пылающим лицом, произнёс: «Ваше Превосходительство, вы, вероятно, неправильно поняли. Между мной и Лу Ци нет таких отношений. К тому же, касаться... ног и тому подобного – это не то, что подобает благородному человеку. Я бы никогда не поступил так».

Наконец, словно вспомнив что-то, он добавил с особым акцентом: «...И это особенно отвратительно!»

После этих слов в горах воцарилась тишина.

Цзи Шэн сверкнул глазами и холодно посмотрел на Мэн Цяо. Однако, не сказав ни слова, он поднял меч и ушёл.

Мэн Цяо оставался на месте ещё долго, обдуваемый горным ветром. Только когда прохладный ветерок немного остудил его разгорячённую голову, он понял, что, возможно, сказал что-то не то.

Цзи Шэн не стал полностью игнорировать слова Мэн Цяо. Однако осознание этих мыслей давалось ему с трудом. Мэн Цяо сказал, что так поступать не подобает, но Цзи Шэн подумал про себя, что он и не благородный человек вовсе. Но затем он вспомнил слезы на лице мальчика, явно показывающие, что тот был напуган им, и он снова почувствовал раздражение, начав размышлять о том, что такое благородный человек.

Несколько часов медитации не принесли результата, и ночь спустилась на землю. Не найдя себе другого занятия, Цзи Шэн устоял перед соблазном вернуться в тёплый павильон и отправился на дальнюю гору, чтобы продолжить оттачивать своё мастерство.

Долгое время жизнь Цзи Шэна состояла лишь из трёх вещей: занятий боевыми искусствами, ежегодных поездок в январе на северную границу, чтобы почтить память своего учителя, и

истребления тех, кто осмеливался его провоцировать. Но теперь, казалось, в его сознании поселилось нечто новое.

Цзи Шэн опустил плечи и руки, медленно открыл глаза и посмотрел на свои ладони. Эти руки лишь несколько часов назад касались ног Ло Вэньсиня. Ноги мальчика были белыми и нежными, казались хрупкими и почти бесплотными, но на ощупь были тёплыми и мягкими, и, взяв их в свои руки, он ощутил нежелание отпускать их. Его охватило неодолимое желание продолжить исследование, надеясь коснуться нежной плоти бедра.

Цзи Шэн всегда отличался неординарностью и следовал своим желаниям, не зная, что такое сдержанность. Как всегда, он поддался велению своего сердца. И в ответ услышал плач мальчика и ощутил, как тот несколько раз ударил его ногами.

Впервые Цзи Шэна кто-то ударил, но он не почувствовал гнева. Потому что заметил, что руки, ноги и ступни Ло Вэньсиня были одного безупречного цвета – неестественно белого, будто выросшие в тепличных условиях.

...Интересно, везде ли так?

За размышлениями он не заметил, как из леса стремительно вырвался поток энергии, быстрый и яростный. Цзи Шэн сначала подумал, что это Мэн Цяо, но быстро понял, что ошибся. У Мэн Цяо не хватило бы смелости, да и скорость была совсем другой. Вернувшись из мира грёз, Цзи Шэн резко поднял голову, и в тот же миг У Шан, стоявший неподалёку, бросился в атаку. Клинки столкнулись с оглушительным лязгом.

Длинный меч отлетел в сторону, но был крепко перехвачен рукой и вложен обратно в ножны. Цзи Шэн поднял глаза и увидел человека в синем, с чёрным длинным мечом за спиной. Тот приветливо улыбался и обратился к нему: «Старший брат».

Глаза Цзи Шэна слегка потемнели, и его пальцы коснулись рукояти Дуаньхуна, заставив У Шана настороженно зарычать.

Человек в синем не извлёк меч ни на дюйм. Сделав шаг вперёд и задержав взгляд на Цзи Шэне, он произнёс: «Кажется, за эти годы мастерство Старшего Брата значительно возросло и он готов к турниру».

Цзи Шэн хранил молчание.

Сюй Вэньмяо слегка улыбнулся, не показывая удивления отстранённостью Цзи Шэна, и сказал: «Иначе он не был бы так поглощён оттачиванием своего мастерства, что даже не заметил моего приближения».

«Прежде такого не случалось», – заметил Сюй Вэньмяо. «Похоже, Старший Брат после марта уверен в своих силах».

«О каком турнире идёт речь?» – спокойно спросил Цзи Шэн.

Сюй Вэньмяо замолчал лишь на секунду, а затем ответил: «Старший Брат, неужели ты так быстро забыл? В мае прошлого года в Сучжоу мы договорились с людьми из Лувайлоу, что через год проведём турнир в том же месте и определим победителя».

Три года назад Цзи Шэн только начал завоёвывать известность в мире боевых искусств. Однако его стиль боя отличался своеобразием, и он всегда носил полумаску, скрывающую лицо,

поэтому никто из знатоков боевого искусства не знал, к какой школе или секте он принадлежит.

Было известно лишь, что среди тех, кто осмелился бросить ему вызов, почти половина лишилась головы от удара кривого клинка, не оставив после себя даже целого трупа.

Весь мир боевых искусств был в смятении. Хотя во время поединков в мире боевых искусств смерти и травмы были неизбежны, никто не проявлял такой жестокости, как он, словно человеческая жизнь ничего не значила.

<http://bllate.org/book/14347/1270774>